

Е. И. Свежинцев

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ И ГЛАСНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена вопросу соотношения права на доступ к информации в уголовном судопроизводстве и принципа гласности. Делается вывод, что в действующем уголовно-правовом законодательстве принцип гласности занимает скромное место общего условия уголовного судопроизводства, несмотря на его важную роль в системе базовых идей построения демократического уголовного процесса. В этом автор видит системную ошибку разработчиков Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая существенно влияет и на правоприменительную практику. Так, ввиду отсутствия четкой регламентации режима тайны предварительного расследования возникают проблемы, связанные с обеспечением участникам уголовного судопроизводства права на доступ к информации, содержащейся в материалах уголовного дела. Автор формулирует предложение о внесении в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменений о придании гласности статуса принципа уголовного судопроизводства, закреплении в общих условиях предварительного расследования и судебного разбирательства особых правил реализации гласности.

Ключевые слова: принцип гласности, доступ к информации, тайна предварительного расследования, общие условия уголовного судопроизводства, смешанный тип уголовного процесса.

Е. I. Svezhintsev

THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO THE ACCESS TO INFORMATION AND PUBLICITY OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the correlation of the right to the access to information in criminal proceedings and the principle of publicity. The author concludes that in the acting criminal legislation the principle of publicity takes an extremely «modest» place as the general condition of the criminal proceedings, in spite of its important role in the system of the basic ideas of the democratic criminal proceeding formation. The author considers this fact to be the system error of the developers of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation that significantly influences the law-enforcement practice. Thus, the clear regulation of the regime of the preliminary investigation secret is still absent, there are some problems related to providing the participants of the criminal proceedings with the right to the access to information involved in the criminal case materials. The author formulates the proposal to make changes into the acting Criminal Procedural Code of the Russian Federation concerning the following: the publicity must be transformed from the conditions to the principle of the criminal proceedings as well as the special rules of the publicity implementation must be included in the general conditions both of the preliminary investigation and the trial (legal proceedings).

Key words: principle of publicity, access to information, preliminary investigation secret, general conditions of the criminal proceedings, mixed type of the criminal procedure.

Международной правовой основой права на информацию является Всеобщая декларация прав человека, принятая и провозглашенная 10 декабря 1948 г. Генеральной ассамблеей ООН [1]. В соответствии с этим документом каждый человек имеет право искать, получать и распространять информацию и идеи любыми способами и независимо от государственных границ. Указанные положения нашли свое отражение в Конституции РФ в виде гарантий реализации данного права. Так, в ч. 4 ст. 29 признается право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, в ч. 2 ст. 24 закреплена обязанность органов государственной

власти и органов местного самоуправления обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом, в ч. 3 ст. 41 отмечается, что за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, устанавливается ответственность для должностных лиц в соответствии с федеральными законами [2].

В уголовном судопроизводстве России право на информацию имеет специфическую интерпретацию и представлено: 1) в широком смысле в форме принципа гласности, который отражает установки деятельности всех субъектов

данного производства; 2) в узком смысле в виде режима тайны предварительного расследования как совокупности ограничений, необходимых для установления всех обстоятельств уголовного дела и недопущения их преждевременного разглашения; 3) в виде отдельных норм уголовно-процессуального закона, отражающих процедуры проведения следственных и процессуальных действий, требующих ограничения в предоставлении информации.

Вопросы реализации гласности в уголовном судопроизводстве, проблемы статуса данного нормативного положения в системе уголовного процесса являются в данный момент дискуссионными. Несмотря на то что принцип гласности имеет серьезную международную правовую и конституционную основу (ч. 1 ст. 123 Конституции РФ), стоит учитывать, что уголовное судопроизводство — это специфический вид деятельности, связанный с ограничением конституционных прав граждан, в связи с чем указанное правовое положение в данном виде отношений не может реализоваться безгранично. Отраслевой законодатель устанавливает пределы действия правила открытости уголовного процесса, что находит отражение в балансе проявления тайны предварительного следствия и гласности уголовного судопроизводства. При этом у законодателя оба эти положения (тайны и гласности) позиционируются как общие условия предварительного расследования и судебного разбирательства соответственно.

В историческом аспекте развитие гласности происходило медленно и постепенно: от неограниченной тайны предварительного расследования до системы норм, устанавливающих правила разглашения данных предварительного расследования. По нашему мнению, этот процесс еще далек от завершения, и нормы уголовного судопроизводства, связанные с реализацией положений о тайне и гласности, в будущем будут реформироваться (этого требует дальнейшее развитие демократических основ современного общества).

Формирование нормативного регулирования режима тайны и гласности в уголовном судопроизводстве берет свое начало в конце XVIII — начале XIX в., когда стал складываться смешанный тип российского уголовного процесса, на который оказал существенное влияние французский тип уголовного судопроизводства. В то время уголовное производство Франции делилось на предварительное и окончательное. Первое было выстроено согласно ордонансу 1670 г. до закона, принятого 8 декабря 1897 г. Ему было присуще отсутствие сторон, запрет формальной защиты и существенное стеснение личности

обвиняемого. Оно было негласным и письменным, широко применяло личное задержание во время следствия. Только заключительная часть судопроизводства (judgement) выстраивалась по англо-американскому режиму гласности, устности и состязательности с участием отдельно функционирующих от суда сторон и включением в процесс вместе с коронными судьями присяжных заседателей. Но даже с учетом нововведений на данной стадии производства можно было обнаружить отголоски розыскного порядка, проявляющиеся в безусловной власти председателя суда и контроле суда над публичным обвинением.

В контексте проблематики настоящей статьи необходимо подчеркнуть значение для нормативного закрепления гласности в уголовном судопроизводстве России Судебной реформы Императора Александра II (введение в действие 20 ноября 1864 г. судебных уставов). Реформа предусматривала изменение основных принципов и порядка судостроительства: создание двух ветвей судов; полное отделение судебной власти от полицейского следствия; гласность, открытость, устную форму судопроизводства с элементами состязательности [3, с. 34].

По сути, тогда были заложены базовые принципы и процедуры организации уголовного судопроизводства, которые в общих чертах сохранились до наших дней. В то же время стоит заметить, что чрезмерная охрана тайны предварительного расследования осуждалась дореволюционными процессуалистами. Например, более 100 лет назад И. Я. Фойницкий подчеркивал: «Негласность предварительного следствия встречает ныне громкие порицания в литературе, и некоторые континентальные законодательства новейшего времени стараются умерить порядок канцелярской тайны...» [3, с. 82]. Таким образом, в течение длительного времени юридическое сообщество понимало необходимость гласного предварительного производства с определенными, именно необходимыми, ограничениями. Однако в послереволюционный период не наблюдается существенных изменений концепции тайны предварительного расследования.

В советское время проблематика гласности предварительного расследования не была популярной в научных исследованиях. Только с 1940—50-х гг. в некоторых трудах стало упоминаться, что предварительное расследование, хотя и не является гласным, но его материалы подлежат проверке в ходе гласного судебного разбирательства [4, с. 73]. Это наводило на мысль о том, что гласность на предварительном расследовании ограничена [5, с. 76]. Позже в научных изданиях этого вопроса вообще

перестали касаться либо утверждали, что гласность на стадии предварительного расследования не применима [6, с. 52].

Тем не менее эпоха перестройки, процессы демократизации, коснувшиеся всех сфер жизни российского общества, позволили по-новому взглянуть на гласность как гарантию выражения народом своей воли и контроля со стороны граждан за деятельностью государственной власти. В связи с этим на современном этапе в период развития гласности всех сфер общества, в том числе благодаря развитию компьютерных технологий, происходит переоценка значимости этого принципа в уголовном судопроизводстве. В настоящее время он закреплён на конституционном уровне в ч. 1 ст. 123 Конституции РФ. Это положение коррелирует с установлениями ст. 29 Конституции РФ, в которой говорится, что: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить, распространять информацию любым законным способом». Только в условиях гласного судебного разбирательства граждане могут получать информацию об уголовном деле и принятых по нему решениях, участвуя в судебных прениях, доводить до суда и присутствующих в судебном заседании лиц (в том числе представителей СМИ) свою позицию. Данное положение созвучно установлениям ст. 19 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [1].

Степень выраженности указанного принципа в уголовно-процессуальном законодательстве, его проникновение в уголовно-процессуальную деятельность характеризуют состояние транспарентности уголовного судопроизводства — тренда, отражающего уровень контроля общества за органами государственной власти. Данное явление находится на начальной стадии развития, так как в уголовно-процессуальном законодательстве в системе принципов уголовного судопроизводства, закреплённой в главе 2 УПК РФ, не нашлось места принципу гласности, распространяющему свое регулятивное воздействие на все его стадии. Статус данного идейного начала «низведен до общего условия судебного разбирательства», в виду чего оказался недостаточно проработан весь механизм реализации гласности в уголовном судопроизводстве.

Среди ученых неслучайно было распространено мнение о том, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства не может

существовать принципа гласности [7, с. 50, 371—373]. Однако необоснованность данного суждения можно опровергнуть тем, что сведения, которые относятся к тайне предварительного расследования, могут сохраняться в ограниченном режиме на протяжении всех стадий уголовного судопроизводства или находиться в закрытом режиме лишь для досудебных стадий уголовного судопроизводства (например, информация об обстоятельствах дела становится затем достоянием участников судебного разбирательства и иных присутствующих в судебном заседании лиц). Это подтверждает, что досудебные стадии уголовного судопроизводства не лишены гласности, однако распространение информации об обстоятельствах уголовного дела имеет больше ограничений, установлением которых занимается следователь или дознаватель. Они, безусловно, должны соблюдать оптимальное сочетание интересов личности, расследования и правосудия с гласностью как институтом демократического общества.

Для более детального понимания действия гласности в досудебном уголовном производстве рассмотрим континентальную доктрину смешанного типа уголовного процесса, к которому относится отечественное уголовное судопроизводство (ранее множество авторов дискутировали на эту тему [8, с. 63]).

На протяжении всей истории отечественное уголовное судопроизводство находилось под влиянием уголовно-процессуального законодательства Франции, что обусловило его становление как континентального уголовного процесса. В результате уголовный процесс России, как и большей части европейских стран, приобрел черты смешанного типа «...с четким делением на тайное, письменное, несостязательное досудебное производство и гласное, устное, состязательное судебное разбирательство» [9, с. 283].

С точки зрения типологии уголовного судопроизводства уголовный процесс России преодолел частно-состязательную и розыскную фазы развития и с реформы Императора Александра II в 1864 г. вступил в публично-состязательную фазу. Однако прохождение этих этапов не было однозначным. В годы советской власти уголовный процесс пошел по обратному пути: к смещению в сторону розыскных начал, которые стали преобладать как в досудебном, так и в судебном производстве.

С распада СССР и принятия Конституции 1993 г. процесс формирования смешанного типа уголовного судопроизводства сдвинулся в сторону

состязательности. Согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ сегодня судопроизводство в нашей строится на основе состязательности и равноправия сторон. Множество изменений, вносимых в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, усиливают состязательные начала. Более того, указанными идеями при принятии решений руководствуются высшие судебные органы: Конституционный Суд РФ, Пленум Верховного Суда РФ, — формирующие на их основе соответствующую судебную практику.

Российский уголовный процесс благодаря национальным правовым традициям в современных условиях воспринял идеи состязательности сторон, презумпции невиновности, гласности, в то же время сохранил на отдельных стадиях розыскное начало, присущее другим типам уголовного процесса.

Из изложенного становится понятно, почему возникает диалектическое противоречие между гласностью и тайной предварительного расследования. Это обусловлено незавершенностью процесса взаимопроникновения розыскных и состязательных начал на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

В настоящее время возможности реализации элементов состязательности, проявляющиеся как в активных действиях стороны защиты, так и в функционировании принципа гласности в досудебном производстве, сталкиваются с ограничивающими факторами в виде тайны предварительного расследования. Отсутствие в законе четких критериев распространения режима тайны на определенные сведения (за исключением сведений об охраняемых лицах) вызывает у правоприменителей вопросы при предоставлении участникам уголовного судопроизводства материалов уголовного дела. С одной стороны, закон прописывает необходимость в предоставлении одного объема информации из материалов уголовного дела, а с другой — сложившаяся практика идет по пути максимального ограничения доступа к материалам уголовного дела участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты. В связи с этим возникает необходимость пересмотра действия режима тайны предварительного расследования в целях его применения только в розыскных процедурах, иначе правоприменители в этой ситуации могут злоупотреблять правами. По нашему мнению, нет нужды распространять действие принципа гласности на сведения о тактических мероприятиях, подготовке к проведению процессуальных и следственных действий. Это абсолютно оправдано целью сохранения доказательственной базы и недопущения возникновения угроз в отношении

потерпевших, свидетелей и иных заинтересованных по делу лиц.

Полагаем, что правоприменительные проблемы возникают ввиду недостаточно четкой позиции законодателя по поводу статуса гласности в системе базовых положений уголовного судопроизводства, что в свою очередь важно для теории и практики уголовного процесса.

Анализ действующего уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что разработчики Уголовно-процессуального кодекса РФ выборочно подходили к определению статуса идей, претендующих на роль принципов уголовного судопроизводства. Это, как говорилось ранее, проявляется в том, что в Конституции РФ гласность уголовного судопроизводства наряду с состязательностью является основополагающей идеей данной деятельности. Но вместе с тем в действующем уголовно-процессуальном законодательстве гласности отведено скромное место в системе общих условий судебного разбирательства [10, с. 36].

Можно констатировать, что существуют отдельные, разрозненные нормы, регулирующие право на доступ к информации в уголовном производстве, однако отсутствует общий принцип гласности, который бы закреплял основы деятельности субъектов уголовного судопроизводства при работе с материалами как процессуальной проверки, так и уголовного дела, и распространял свое воздействие на все процессуальные отношения в досудебном и в судебном производстве.

Данное положение абсолютно не согласуется с выстроенной в международном и конституционном законодательстве позицией, где гласность провозглашена неотъемлемым принципом всех сфер жизнедеятельности общества. Полагаем, статус общего условия уголовного судопроизводства существенно принижает роль гласности в системе демократического уголовного процесса.

Анализ собственно нормативных установлений Уголовно-процессуального кодекса РФ в этой части показывает, что в различных стадиях уголовного судопроизводства положения о гласности выстроены неодинаково. Например, в досудебном производстве гласность представлена в негативном смысле, т. е. как запрет на разглашение данных предварительного расследования, причем идея гласности, ограничение которой и представляет собой тайна предварительного расследования, не закреплена в нормах, регулирующих досудебное производство. С нашей точки зрения, не совсем корректно

определять порядок работы с информацией в виде запретов, для правоприменителей логичнее и удобнее было бы закрепить общие положения регулирования гласности в уголовном судопроизводстве (в формате принципа уголовного судопроизводства, размещенного в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ), после чего разграничить порядок действий и запретов с учетом конкретной стадии уголовного судопроизводства.

В судебном производстве гласность в виде общего условия судебного разбирательства нашла закрепление в главе 35 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Законодатель для наименования нормы, определяющей лишь процедуру проведения открытого или закрытого судебного заседания, использовал термин «гласность», который по объему гораздо шире общего условия судебного разбирательства. Такое название должен получить именно принцип, который бы устанавливал руководящие правила, определяющие характер уголовного процесса, формулирующие позицию о создании процессуального порядка, обеспечивающего справедливое правосудие по уголовным делам, действенную защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества от преступных посягательств.

Считаем, что идее гласности необходимо придать статус принципа уголовного судопроизводства, для чего потребуется внести в главу 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ ст. 7.1 «Гласность уголовного судопроизводства». В ней следует закрепить основные правовые положения, устанавливающие правовую формулу данного принципа, порядок его действия на всех стадиях уголовного процесса и обеспечивающие выполнение его задач. Конкретные выражения этого принципа в центральных стадиях уголовного судопроизводства должны найти отражение в общих условиях предварительного расследования и судебного разбирательства.

Список библиографических ссылок

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1902.
4. Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946.
5. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951.
6. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М. 1970.
7. Чельцов М. . Уголовный процесс. М. 1948; Мартинович Н. . Гласность в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1968.
8. Калиновский К. Б. Основные виды уголовного судопроизводства: учеб. пособие. СПб., 2002.
9. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001.
10. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: моногр. М., 2010.

© Свежинцев Е. И., 2017